

17 ноября 1981 г. ● № 265 [7716]

К 80-летию замечательного мастера советского кино И. А. Пырьева

Пафос

радости

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ Пырьев был лишь на год моложе своего века и первые фильмы снял еще в пору немого кино. Это художник многогранного и глубокого дарования, но главным в его творчестве было то, что он способствовал развитию и утверждению жанра советской музыкальной комедии. Герой его фильмов «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Кубанские казаки», в которых мне довелось сниматься в главных ролях, — люди труда, строящие и воспевающие новую жизнь. Они жили в атмосфере романтической приподнятости, оптимизма, утверждения правды и добра. Велика была сила обаяния этих подлинно народных комедийных и лирических образов.

У Ивана Александровича был очень радостный талант. И это был не только юмор, не только комедийная веселость, он умел по-настоящему радоваться жизни. И чем дальше идет время, тем с большей отчетливостью я вспоминаю, как снимались отдельные эпизоды «Свинарки и пастуха». Полным ходом шла эвакуация ВДНХ, где мы снимали. Помню, в перерыве между дублями какой-то дядька, облокотившись на забородку, в которой кормила я поросят, бубнил: «Ну Ладынина, ну играй же скорей! Ведь поезд ждет! Ехать надо!» Нас торопили, а Иван Александрович, несмотря на это, не сбавлял своих требований. Он не торопился, а еще увереннее, точнее работал. В эти часы, в эти минуты его режиссура требовала от нас не только исполнительской точности, но взывала и к нашим гражданским чувствам. А как мы боялись, что запоздалым будет появление этой картины, что сказка о любви не прозвучит в дни войны. Случилось иначе — фильм восторженно встретили зрители, особенно фронтовики.

И это было естественно, потому что фильм рассказывал о нашей жизни, которую мы вчера строили, а сегодня с оружием в руках шли защищать. И это участие во всем движении современности было закономерно и непременно для нас, ибо нас воспитывала сама жизнь.

Музыка в фильмах И. А. Пырьева является ритмическим, философским и художественным сердцем — пульсом фильма. Представить себе и «Свинарку и пастуха», и «В шесть часов вечера после войны», и «Трактористов» без той музыки, которая в них звучит, невозможно. И хотя эти картины редко теперь идут на экране, народ поет наши песни сейчас. Обстоятельства наших съемок, то, что студия была нетоплена, что снимали под холодным дождем, — все это не имело значения. Вот я начинаю рассказывать о наших съемках в нетопленной студии, и мне не хочется продолжать, потому что любые трудности были не в счет. На съемках «Свинарки и пастуха», когда мы подходили к аппарату с красными от слез глазами, — мы ночами сидели в бомбоубежище, и, что там говорить, были причины для слез, — Иван Александрович говорил: «Не плакать, черт вас побери! Если увижу красные глаза, отменю съемку! Вы солдаты, это ваш фронт, и вы должны играть так, чтобы не было заметно ни ваших слез, ни вашего настроения». И я считаю, что он своей творческой волей и темпераментом держал

всех в руках и командовал всеми, как настоящий командир армии фронта искусства.

Пырьев не обладал тонким музыкальным слухом, но глубоко чувствовал ту музыку, которая звучала в его фильме. Она делала этого бурного человека другим, он становился будто не он, и даже замечания дирижерам делал робко и тихо. Требования Пырьева чутко улавливали композиторы — Дунаевский и Хренников, потому-то их музыка, шагнув с экрана в жизнь, не исчезает, а радует все новые и новые поколения зрителей.

Для Ивана Александровича не было чего-то неглавного в процессе съемок. Все имело значение — и вовремя ли помреж закрыл дверь, и точно ли действовал осветитель, каждый человек в массовке был для него так же важен, как главный герой, который вел сцену. Может, поэтому и происходило такое сгорание, так щедро он тратил себя. Ничто не уходило из поля его зрения, поэтому и бытовала легенда, что с ним было трудно работать, — никто не мог скрыться от его глаз. Группа у него всегда была прекрасная, но это вечное чувство неудовлетворения — если не я сам, то кто же? — не давало ему покоя. Но все равно потом все влюблялись в него, в его талант и не замечали трудностей его характера. Большая сила исходила всегда от этого человека, гипнотическим было его обаяние.

Сейчас, когда прошло время все осознать, посмотреть на расстоянии, я понимаю, что многое в работе с ним не совпадало с моим вкусом, характером и даже моим отношением к некоторым ролям. Можно было страдать в процессе съемок из-за его жесткости, из-за того, что он исключал всякую инициативу со стороны актера, но никогда нельзя было сомневаться в том, что в результате он будет прав. Несмотря на конфликтные ситуации в работе, у всех была абсолютная вера в то, что в конце концов требования Ивана Александровича окажутся в высшей степени точны и верны, так он умел частности подчинять целому и заранее видеть образ всей картины.

Переход Пырьева от современной тематики к произведениям Достоевского представляется мне естественным. Каждый большой мастер стремится встретиться с высокой драматургией. Фильмы «Идиот» и «Братья Карамазовы» имели грандиозный успех, «Белые ночи» покорили меня лиризмом чувств... И все же, мне кажется, Достоевский ему не подчинился до конца, как и никому другому пока, несмотря на яростную атаку на него.

«Неплохо зная жизнь простых людей, их труд, их радости и невзгоды, я сознательно стремился опозитизировать их в своих картинах. Стремился передать поэзию, лирику и пафос того нового, что нарождалось в нашей жизни. Лучшее в сегодняшнем дне всегда окрашено лучами восходящего солнца завтрашнего дня. Это, видимо, и есть романтизация жизни в искусстве», — так писал Иван Александрович в своей книге «О пройденном и пережитом...»

Через годы проносятся люди верность и любовь к картинам Пырьева, с восхищением относятся к его радостному таланту.

М. ЛАДЫНИНА,
народная артистка СССР.

344